

ЦИКЛ «МЕТАМОРФОЗЫ»:

VITA NOSTRA

ЦИФРОВОЙ, ИЛИ BREVIS EST

МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETUR

VITA NOSTRA:
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МЕТАФАНТАСТИКА
МАРИНЫ И СЕРГЕЯ ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ЦИФРОВОЙ,
ИЛИ BREVIS EST

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312,9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Оформление *Екатерины Тинмей*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Цифровой, или *Brevis est* / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-122968-9

Человечество — большой манипуляционный кабинет, где все манипулируют всеми. Подросток Арсен Снегов, мастер компьютерных игр, понял это раньше других. Таланты геймера не остаются незамеченными: он оказывается сотрудником странной конторы, якобы занимающейся разработкой новой игры... Но кто знает, что там творится на самом деле?

УДК 821.161.1-312,9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122968-9

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ГЛАВА ПЕРВАЯ

История Министра

— Ассамблея в пятницу. Будет голосование. Они проведут Темного Шута, это уже точно. Все проплачено.

— Кем?

— Нет инфы. Против тебя кто-то серьезно играет последние несколько месяцев. Ты заметил?

— Да ну.

— Конкретно против тебя. Шут не продержится долго, его выводят только затем, чтобы он тебя скинул.

— Думаешь, выгорит?

Пальцы бегали по разболтанной клавиатуре, иногда промахиваясь, но всякий раз успевая исправиться прежде, чем нажать «Ввод».

— Это будет так. Голосуют за Шута, он приводит свою команду и выбивает для них право голоса. Потом предлагает новый закон о кабинете министров. Проводит его. Реализует. И ты слетаешь.

— Гладко было на бумаге...

— Я предупредил.

— Увидимся. Бай-бай.

— Бай, Министр.

Он несколько секунд сидел, откинувшись на спинку старого офисного кресла. Потом открыл ящик стола, вытащил белую замшевую салфетку и осторожно, будто разбитый рот, протер окно монитора. Дело плохо. Приближается буря. В такие минуты он понимал, ради чего живет.

Снова взялся за мышь: пора сменить богатую красную мантию на неприметную серую. Секунда — и сидящий, горбоносый, очень прямой человек в мантии цвета пепла вышел на крытую галерею, где еле слышно журчали фонтаны. Неторопливо, слушая шорох воды и свои шаги, прошел в западное крыло дворца. Устроился в тени под резным навесом, выбрал в списке имя нового собеседника.

- Привет, Чебурашка. Есть новости?
- Квинни встретится с тобой.
- Приятно слышать. Что она хочет?
- Место советника для своего нового.
- Все?
- И министерство транспорта для себя.
- Она сдурела?!
- Это ее условие.

Пальцы забарабанили по столу у нижнего края клавиатуры.

- Скажи, что я согласен.
- Пятница, двадцать два ноль-ноль по Москве. Таверна «Золотой гусь».
- Спасибо. Я отблагодарю. До связи.
- До связи, Министр.

Его собеседник растаял в воздухе — не то вышел из игры, не то воспользовался порталом. Чебурашка, вечный посредник, дорого берет за свои услуги, но до сих пор никого не кинул. Репутация — все, что у него есть... кроме разве что веера связей да нескольких жирных банковских счетов.

Он ухмыльнулся. Пятница, двадцать ноль-ноль. Перед самой Ассамблеей. Маленькая Квинни вступит в игру на стороне фаворита, значит, к пятнице нужно забеременеть победой. Тогда она его подержит.

Он мельком посмотрел на часы. Снова переключил

окна. Ежедневное подписание указов; полова, ерунда, текучка, а это...

Он протер глаза. Нет, не померещилось. Среди груды ежедневного мусора запрятана бомба — вот этот указ о налогах с крупных землевладельцев... На что рассчитывал Канцлер — что Министр подмахнет не глядя? Нет, это тоже часть чьей-то интриги, фрагмент спрятанного смертоносного механизма; ни в коем случае нельзя подписывать это до Ассамблеи. Но как объяснить задержку, как поизящнее, черт возьми, объяснить задержку?!

Сквозь решетку стрельчатого окна пробивались солнечные лучи. Снаружи, в королевском парке, пели птицы. Он откинулся на спинку кресла: что-то начало складываться, потихоньку совпадать, понемногу проясняться. Нельзя спешить, нельзя терять мысль: голосование в пятницу... Встреча с Квинни... Налоги с крупных землевладельцев... Если попробовать... Модель выстроится забавная комбинация...

— Арсен! Сними, в конце концов, наушники!

Он мигнул. Схема, уже почти сложившаяся, ускользнула песком сквозь пальцы.

— Арсен, я двадцать раз к тебе обращаюсь! Ты оглох?!

— Нет.

Перед глазами кружились цветные пятна. Он с силой потер лицо; мать стояла в дверях, сцепив на груди пальцы, — жест, означавший раздражение и вместе с тем неуверенность.

— Зову тебя, зову! А ты, как зомби, уставился в монитор и не реагируешь!

— Прости, я не слышал.

— Выкину когда-нибудь этот проклятый компьютер... Иди ужинать!

— Я уже поел.

— Уроки сделал?

— Да.

— Перестань косить на монитор! Иди хоть чаю с нами выпей, отец тебя неделю не видел.

— Ма... У меня очень мало времени.

— С родителями за столом пять минут посидеть — времени нет?

Он поколебался.

— Пять минут.

— Спасибо, — сухо сказала мать.

* * *

Против него действительно играли, играли серьезно. Его агентов выщепивали, выслеживали, раскалывали и перекупали. Любая комбинация, даже самая тайная, в последний момент оказывалась под угрозой. Теперь еще Шут — личность в самом деле темная, как его ник, появившаяся ниоткуда с колоссальными деньжищами. Сам Шут ничего собой не представляет, но кто стоит за ним? Чей заказ? Слишком многие сейчас хотят убрать Министра. Быстрая карьера привлекает внимание... Его предупреждали.

На кухне уютно светила лампа и вертелся медовый водоворот в коричневой чашке чая. Отец подбирал слова, это было заметно по крохотным складкам у переносицы. Он чувствовал себя виноватым: времени на сына у него как не было, так и нет, и нарастает отчуждение. А ведь еще помнятся золотые деньки, когда Арсен был маленький, каждую субботу они ходили в зоопарк, а каждое воскресенье — в гости или звали гостей к себе...

— Сынок, ты чего такой вялый? — отец решил начать разговор, но не нашел правильных слов.

— Устал.

— Хочешь, в воскресенье в киношку сходим?

— Нет, спасибо. Я дома отдохну.

— Даже не спрашиваешь, какой фильм?

Он пожал плечами:

— Я не люблю кино.

— А что ты любишь, кроме своего компьютера? — тихо и горько вмешалась мать. — Книжки? Когда ты в последний раз открывал...

— Ма, ну что ты опять. Я очень перегружен.

— Чем это?

— Всем.

Мать уныло покачала головой. Сама она в возрасте Арсена запоем читала, и родители силой отрывали ее от книг... Да, точно.

— Я в твоём в возрасте читала запоем, меня родители силой...

Ее предсказуемость огорчила его. Поэтому он позволил себе быть немножко бестактным:

— Времена поменялись, мам. Посмотри: ты же теперь сама ничего не читаешь, кроме блогов.

Она вспыхнула.

Арсен знал, что, стоит всем уйти из кухни, — она тут же вытащит из сумки ноутбук, подключится к Интернету и войдет в свой Живой Журнал. А отец, как только увидит, что Арсен и мать заняты, — пойдет к себе и включит телевизор. Каждый из них чувствует, что делает что-то не то; каждый вырос в нормальной семье, где были и семейные вечера, и книги, и гости, и походы в лес на пикник. Но маме куда интереснее, что случилось с ее френдами за день, а отец, как на игле, сидит на потоке новостей из телика, от глобальных до местечковых. Кризис ли мировой, пьяный ли сбил на машине ребенка — это информация, это надо знать, это будоражит.

В нашей семье, подумал грустно Арсен, только я занимаюсь настоящим делом. Только я делаю то, что люблю, и за это получаю деньги.

Он допил свой чай и поднялся.

— Спасибо.

— На здоровье.

— Я пошел. Спокойной ночи.

* * *

— Привет, Канцлер.

— Не спишь, Министр? Или у вас уже утро?

— Хочешь подловить?

— На фига ты мне сдался?

— Мало ли... На тебя выходила Квинни?

Разговор на секунду остановился. Замерли строчки на экране. Собеседник раздумывал чуть дольше, чем это обычно бывает в непринужденном разговоре.

— О чем ты, Министр?

— Землевладельцы съедят тебя с потрохами, Канцлер. О такой мелочи, как я, и речи не идет.

— Чего ты хочешь?

— Есть схема...

В доме давно все спали. Часы показывали три. Потирая красные глаза, он сидел за монитором, пока прямо под носом не оказались вдруг клавиши «джей» и «кей».

Тогда он вышел из Сети и лег. Ему снились темные запутанные коридоры и чужие глаза в прорези красного капюшона.

Потом он отключился совершенно, чтобы в семь утра подскочить от визга будильника.

* * *

Они вышли из дома одновременно — отец, мать и Арсен. Отец сел в черный «Фольксваген», мать в серую «Тойоту». Арсен спустился в метро; очень удобно: школа всего в одной остановке. Никаких пробок. Ни-

каких пересадок. Десять минут отчаянной толкотни — и ты на месте.

Как всегда с утра, он почти ничего не соображал. Остановился у автомата с горячими напитками, взял себе двойной кофе. Пятница — послезавтра, времени нет, но шестеренки уже сложены как надо. Еще чуть-чуть, смазать зубчики, подтолкнуть мизинцем — и механизм заработает, заработает...

— Снегов!

Он обернулся. Марьяна Чабанова, в изумрудной меховой курточке, с изумрудными, вечно распахнутыми глазами. Одноклассница.

— Привет.

— Чего тебя в школе нет? Я думала, ты болеешь...

— Болею, — согласился он и отхлебнул кофе.

— У тебя глаза красные, — сказала Марьяна не то с осуждением, не то с сочувствием. — Пьешь? Колешься?

— Пью, — он сделал еще глоток. — Колюсь.

Она засмеялась. Приятно было смотреть, как она смеется, — легко, без скрытого смысла. Искренне веселится.

— А если честно?

— Я работаю, — признался он неожиданно для себя.

— Где?

— В министерстве.

— Курьером?

— Министром!

— Вот умница, — она кокетливо поправила шапочку-наушники. — Слушай, я на первый урок все равно не пойду уже. Давай по пирожному? Угощаю!

Половина девятого. Вне Сети он всегда чувствовал время, не глядя на часы. Обычно к девяти он уже снова был дома — не выходя на поверхность, пересаживался с одного поезда на другой, возвращался в пустую квартиру и садился за компьютер. Такое по-

ложение вещей не могло существовать долго, но пока оно держалось, и Арсен намеревался выжать из него все возможное. С толком использовать любую минуту.

Марьяна смотрела, улыбаясь.

— Ну давай, — согласился он, поколебавшись. — Только каждый платит за себя.

У него были карманные деньги — не так мало, если считать, что он почти ни на что не тратил. Он взял себе шоколадное пирожное и опять — кофе. Марьяна заказала клубнику со сливками.

Мимо высокого окна шли прохожие. Там, на улице, начался дождь со снегом. Здесь, в кафе, было пусто в этот час и — по ценникам — дорого.

— Вот мой братец работает, — задумчиво сказала Марьяна. — Уже «Ниссан» себе купил. Правда, старый.

— Молодец, — Арсен кивнул.

Одна парадная мантия стоила больше, чем его отец зарабатывал за месяц. А к мантии полагаются парик, туфли, шпага; если Министр явится на Ассамблею без достойного прикида — его никто не станет слушать. Статус — это деньги, деньги — это статус, но реальная власть куда круче того и другого.

Если бы без денег можно было дотянуться до власти...

— Скажи честно — где ты работаешь? — спросила Марьяна, прищурив изумрудные глазищи. Ее шубка была расстегнута; Арсен задержал взгляд на округлой груди под тонким свитером.

— Развожу породистых собак.

— Да?! А какой породы?

— Всяких.

— Что, в квартире? А родители?!

— Родители не знают, — он снисходительно улыбнулся. — Я в Сети развожу собак, нарисованных. Бывают дороже настоящих, если породистые. Если их пра-

вильно воспитывать, подбирать партнеров, лечить, дрессировать...

— В Сети?!

— Никогда не слышала? Люди заводят в Сети собак, держат в виртуальных домах... Водят в гости к соседям... Возят на выставки... Гордятся медалями... Некоторые устраивают собачьи бои, но я бойцовых не выращиваю. У меня декоративные и охотничьи, — Арсен поймал себя на воодушевлении. Он никому не рассказывал — вот так, за столиком, в реале, — о своей работе.

Марьяна недоверчиво хмыкнула.

— Ты что, ни в какие игры не играешь? — спросил он недоверчиво.

— Я блогер, — сказала она с достоинством. — У меня три сотни френдов.

— Знаю! У меня мама тоже блогер. — Арсен с удовольствием нарушил красоту и целостность шоколадного пирожного и увидел отпечаток своих зубов в гуще коричневого крема.

Его мама никогда не смотрела сериалы по телевизору, и в детстве он потихоньку этим гордился. Зато его мама жила внутри сериала, он стал это понимать только в последние полгода-год. Она изо дня в день пересказывала отцу за утренним кофе или в воскресенье, за разогретым в микроволновке завтраком, — пересказывала чужие разговоры, комментировала события и реплики, и на ее одухотворенном молодом лице ясно горели глаза. Она следила за жизнью не менее сотни людей, некоторые из них были ее близкими друзьями, некоторых она ненавидела по-настоящему: «После этого его поста, в субботу... Господи, ну вот же дрянь, совершенная дрянь, подлец, и гордится этим! Я его забанила, не понимаю, как они могут ходить к нему и комментировать, это все равно что купаться в навозной куче...»

Марьяна подхватывала ложечкой клубнику из вазы, слизывала белый молочный слой и любовалась ягодкой, держа ее за зеленый венчик.

— Ты чего ее разглядываешь?

— Я представляю, будто лето, — объяснила Марьяна. — Очень люблю июнь. В июне вот такая клубника, — она повернула ягодку, будто елочную игрушку. Потом отщипнула зеленый венчик и бросила клубничину в рот.

— А на фига тебе блог, Марьяна? — спросил Арсен. — Вести дневник напоказ — это как-то...

— Ерунда! — Марьяна слегка обиделась. — Это обывательское суждение человека, далекого от вопроса. Блоги бывают разные, для разных целей. Кто-то в самом деле ведет дневник напоказ. Полно таких дураков. Им внимания хочется. Или скандала. А я на журфак собираюсь, для меня блог — испытательная площадка, чтобы ты знал. Я пробую некоторые концепты.

— Получается?

— А то! Каждый день прибывают френды, и это без специальной раскрутки... Знаешь, что я заметила? Пишешь обыкновенный, средний, незаметный пост — комментариев мало, а френды прибывают. Напишешь что-то острое, скандальное — комментариев много, а френды отваливаться начинают. То ли обижаются, то ли завидуют...

Арсен заметил в ее глазах особые искорки — так выглядит человек, которому интересна тема разговора. Вот и мама, когда говорит о своем журнале, будто светится изнутри.

— Зайди как-нибудь, ладно? — Марьяна выловила из вазочки последнюю клубничину. — У меня во френдах наши из класса: Лада, Света, потом вот Игнат из параллельного...

— Заманчиво. — Он вытер губы, оставив на белой салфетке шоколадные отметины. — Ты на второй урок идешь?

— Иду. — Она казалась разочарованной, что разговор так быстро закончился. — А ты?

— У меня дела. — Он поднялся. — Извини.

* * *

Никто не должен был знать, что Министр заработал стартовый капитал разведением щенков. Арсен всегда тщательно разделял две свои ипостаси. И, разумеется, никогда и нигде не оставлял реальных данных. Его знали как Доктора Ветти, пятидесятилетнего врача из Самары. Клиенты почему-то доверяли врачу, хотя для воспитания виртуальных псов не требовалось медицинского образования.

«Родословная — пятьдесят три поколения. В роду сотни чемпионских титулов, есть одна Мисс Мира по собачьей версии — прапрабабка. Он умнее обычной собаки. Непременное условие — вы должны заниматься с ним каждый день. Если у вас работа или еще что-то отвлекает — лучше не берите этого пса. Возьмите что-то попроще. Этот затоскует, если вы не будете с ним разговаривать хоть один день... Потом у него наступит депрессия, и он погибнет».

«Он будет узнавать меня? Или я могу попросить, например, жену войти под моим ником и погладить его?»

Арсен улыбнулся в монитор. Пальцы его бегали так же быстро, и текст в окошке появлялся в темпе обычной человеческой речи:

«Вы знаете, в этом есть что-то мистическое. Если ваша жена или кто-то из родственников зайдет под вашим ником — пес обрадуется. Но если вы будете с ним заниматься, если он станет по-настоящему вашей собакой — он станет узнавать вас... не по нику. Не

по айпи-адресу. Этому нет технического объяснения. Просто он привыкнет к вам и будет вас чувствовать. Это проверено».

Собеседник задумался. Арсен не видел его — по экрану носился белый щенок с черными ушами, таскал в зубах живописно-рваный ботинок. В окошке чата — в углу экрана — мигал курсор.

«Доктор, у вас есть пять минут?»

«Разумеется. Сколько угодно».

На самом деле времени, как всегда, катастрофически не хватало. Но Арсен знал по опыту, что выслушивать клиентов необходимо.

«Я двадцать лет женат. У меня двое сыновей, студенты. И я не уверен, что хоть один из них узнает меня, если я войду под чужим ником... вы понимаете, о чем я?»

«Понимаю».

«В самом деле?»

— Мне кажется, что понимаю, — поправился Арсен.

«Доктор, я двадцать лет живу с чужой мне женщиной. У нас прекрасная семья... Была собака, давно. Пес умер от чумки. Мы так переживали, что больше не стали заводить животное».

«Понимаю, — написал Арсен совершенно искренне. — Виртуальные собаки не болеют. Их не может сбить машина. Они живут, пока продолжается ваш интерес к собаке, ваша любовь».

Новая реплика долго не появлялась.

«Кто говорит, что счастье нельзя купить, тот никогда не покупал щенка», — написал Арсен осторожно.

Последовала новая пауза. В глубине квартиры зазвонил телефон. Арсен не шевельнулся.

«Я покупаю эту собаку, — наконец написал клиент. — Можно оплатить «Визой?»»

Арсен перевел дыхание.

«Пожалуйста. Вот реквизиты, как только придет

подтверждение — вы получите пароль. Я проинструктирую вас, как стать членом клуба... Вы раньше не заводили виртуальных собак?»

«Нет».

«Тогда у вас огромный резерв для радости. Клуб, выставки, новые люди, новые контакты... И главное — ваш пес. Придумайте ему официальное имя, оно должно состоять не меньше чем из восьми символов и начинаться на «Ш»...

Прошел вызов по «аське». Арсен поглядел, кто вызывает. Ухмыльнулся.

«Доктор, огромное вам спасибо», — написал клиент.

«Я рад... Простите, сейчас меня вызывают. Если возникнут вопросы — пишите на мой ящик».

«Да. До свидания».

Щенок, устав, валялся теперь на спине, не выпуская из зубов остатки ботинка. Арсен полюбовался им напоследок и свернул окно.

«Что там с налоговым указом? Это ловушка, ты что, не понял?»

«Я знаю».

«Не понял».

«Ассамблея в пятницу. Пусть голосуют за Темного Шута. Я приготовил ему поздравительную открытку».

Он щелкнул кнопкой мыши. Набрал логин — «CrueHamster». Открылся темный кабинет, где на столе громоздились бумаги и желтые свитки, где торчало перо из бронзовой чернильницы и на деревянных болванках виселись парики — белые, черные, фиолетовые, завитые, матовые, припудренные и усыпанные блестками. Только у нескольких человек был доступ в этот кабинет — без согласия хозяина.

— Не заиграйся, Министр, — сказал маленький сутулый человечек в темном платье, похожем на одеяние монаха.

«Не заиграйся, Министр», — появились буквы в маленьком окне чата.

— А для чего тогда игра?

Он позволил себе поставить смайлик. Потом подумал — и, щелкнув по иконке, заставил Министра расхохотаться. О его смехе ходили анекдоты — говорили, Министр смеется только накануне землетрясения... или дефолта.

В дверь его комнаты постучали — резко и требовательно. Мать никогда раньше не стучала — она стояла над головой и кричала: «Арсен, Арсен!»

— Арсен!

— До встречи, — сказал он черному человечку. Закрыв окно. Обернулся к двери, саднили глаза. Сказывался недосып.

— Мне можно войти? — сухо осведомилась мать. Что-то в ее голосе заставило Арсена подняться с кресла.

— Что случилось?

— Звонили из школы. Куратор вашего класса. Тебя уже месяц не было... ты вообще не появлялся в школе!

— Да, — сказал Арсен, прорабатывая в уме варианты. Мирное соглашение. Скандал. Истерика. Слезы... Искреннее раскаяние. Игнорирование. — Мама, знаешь, что, по статистике, впервые пробуют наркотики в тринадцать лет? А мне уже четырнадцать.

— Что?!

Он добился первой маленькой победы. Мать выбита из колеи. Все, что она приготовила по дороге в его комнату, рассыпалось. Заготовка пропала.

— Знаешь, современные наркотики... Иногда достаточно одного укола... А травку покурить — это вообще обычное дело.

— Ты... — Она ухватила за дверной косяк.

— Я в жизни не пробовал, — сказал он с чистой совестью. — Я не наркоман. Я не пью. Даже

пиво. У нас полкласса курят по пачке в день... А я курю?

Мать молчала. На ее бледное лицо медленно возвращалась краска.

— Прошу тебя, только не нервничай, — тихо сказал Арсен. — У меня был кризис, да. Сейчас все в порядке. Я все сдам. Кураторша сильно кричала?

— Нет. Она только удивлялась, почему тебя нет.

— Мам, я все устрою.

Она отступила на шаг. Недоверчиво прищурилась:

— Но ты ведь врал нам целый месяц. Делал вид, что идешь в школу, а сам...

— Я был дома, ма. Не болтался по казино, не сидел в подвале. Не спускал деньги на автоматы.

— Обещай мне, что завтра пойдешь в школу!

— Обещаю, — он даже не запнулся.

* * *

Он поставил будильник на шесть и за час успел сделать несколько важнейших дел. Отправил последнему клиенту пароль к его новой собаке, зашел в питомник, взял двух алиментных щенков. Яркого, похожего на сеттера, почти кирпично-красного, назвал Красс. Другого, пушистого и белого, хотел назвать Умка, но передумал и прописал в строке имени: Спартак. Потратил минут двадцать, обучая обоих откликаться на имена. Научил; теперь они неслись к нему через зеленый луг, высунув языки, в восторге подбрасывая на бегу задние лапы, стоило только набрать в командной строке: «Красс! Спартак!»

Ему жаль было их оставлять, но дела есть дела: пусть учатся развлекать себя сами. Арсен закрыл «собачью» программу и полностью сконцентрировался на делах Министра. Создал на своем аккаунте новую личность, подчеркнуто лишнюю индивидуальности,

надел черную маску на типовое лицо манекена и послал с визитами. Тугой мешочек у пояса выдавал платежеспособность.

Новосотворенная личность обошла один за другим три адреса. После третьего разговора мешочек с пояса фигуры исчез. Шел восьмой час утра. Арсен закрыл игру, выключил компьютер и вышел завтракать.

Отец подвез его до порога школы. Не укорял и вообще казался рассеянным и задумчивым. Арсен с тяжелым сердцем вошел в школьный вестибюль: ему казалось странным, что сотни людей готовы тратить ценнейшее время так бездарно и глупо.

Он высидел четыре урока. Потом потихоньку взял в гардеробе свою куртку и, забросив на плечо полупустой рюкзак, вышел на улицу.

Сегодня пятница.

Его одноклассники курили на скамейке, ни от кого не таясь, на земле стояли пустые бутылки из-под пива. Он попрощался и, не оглядываясь, рысью пустился к метро.

Очень удобно — всего одна остановка от дома. И никаких пробок.

Повернулся ключ. Щелкнул замок. Арсен сразу понял, что дома кто-то есть — хотя и мать, и отец в это время должны работать. В прихожей пахло чужим одеколоном и немного — устоявшимся табачным духом. Арсен отступил к двери, но уже через секунду увидел на полочке для обуви отцовы ботинки и мамины сапоги. А комнатных туфель не было. На кухне слышались приглушенные голоса...

— Кто там?

Через секунду мама была уже в прихожей.

— Арсен?! Почему так рано?

— У нас отменили последние три урока, — сказал он, не задумываясь.